

Ракобольская Ирина Вячеславовна

Другого такого полка не было

Я родилась 22 декабря 1919 года в городе Данков Рязанской губернии.

Мать - учитель русского языка, отец окончил физфак МГУ и был направлен в Данков преподавать физику.

В 1941 году я была студенткой 4-го курса физфака МГУ. Один раз прыгнула с парашютом, окончила школу пулеметчиков, работала в комитете комсомола МГУ.

В октябре 1941 года немцы подходили к Москве. В это время в правительстве страны скопилось большое количество писем от девушек - летчиц аэроклубов, летных школ, транспортной авиации. Все они настойчиво просили направить их на фронт, чтобы воевать наравне с мужчинами.

Большая роль в формировании специальных женских полков принадлежит известному штурману Герою Советского Союза Марине Михайловне Расковой. Во многом благодаря её инициативе и настойчивости, 8 октября 1941 года И.В. Сталиным был подписан совершенно секретный приказ № 0099 о формировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии. Вся организационная работа поручалась Марине Расковой.

ЦК комсомола объявил по Москве призыв девушек, желающих добровольно пойти на фронт.

Телефонограмму ЦК ВЛКСМ я приняла 9 октября, когда дежурила в комитете комсомола МГУ. В ней говорилось, что в армию призываются 12 девушек: две пулеметчицы, две парашютистки, две санитарки, две с хорошим почерком и две просто физически здоровые. Какие еще две — не помню, кажется, хорошие стрелки.

Отборочная комиссия в ЦК ВЛКСМ должна была состояться днем 10 октября. Секретарь Краснопресненского райкома города Москвы Аракса Захарьян разрешила мне отобрать девушек, желающих добровольно пойти на фронт, из нашего университета. Я сообщила на факультеты...

В вузкоме нас было три девушки: я, студентка 4-го курса физфака, студентка исторического факультета Валя Ендакова и аспирантка географического факультета Саша Макунина. Мы втроем тут же записали себя в список. Девушки с факультетов стали приходить в вузком.

На следующий день в ЦК мы узнали, что идет набор в авиагруппу 122, к Марине Расковой. Беседу проводил Г. Розанцев. В приемной отборочной комиссии все страшно волновались, я была более спокойна: один раз прыгала с парашютом, окончила школу пулеметчиков и... очень уж хотела... Из университета после отбора было зачислено 17 человек (очевидно, количество призывников было увеличено).

На следующий день те, кто прошел отборочную комиссию, собрались у здания ЦК ВЛКСМ, но уже с рюкзаками, простившись с родными и друзьями. Нас направили в школу формирования, которая находилась в одном из зданий Военно-воздушной академии им. Жуковского. Марина Раскова распределила нас по учебным группам: летчиков, техников, штурманов и вооруженцев. Мы прошли медицинскую комиссию.

16 октября 1941 года нас посадили в товарные вагоны и повезли на восток, в Энгельсскую военную авиационную школу пилотов (ЭВАШП) близ Саратова.

В вагонах были двухэтажные нары, накрытые матрацами, посередине стояла печурка. Ехали больше недели, долго стояли на запасных путях, пропуская воинские эшелоны на запад и эшелоны с заводским оборудованием на восток. В разных направлениях ехала вся страна.

Марина Раскова пробиралась под железнодорожными составами и убеждала начальников станций пропустить нас по «зеленой улице».

Эти дни и ночи в поезде объединили нас, мы с удовольствием пели песни, ели хлеб с селедкой.

Первый приказ мы выслушали, стоя в строю, ранним утром 26 октября на перроне вокзала в Энгельсе. Это был приказ по авиагруппе 122 о всеобщей стрижке «под мальчика» и «волосы спереди до пол-уха». И в тот же день наши волосы легли пестрым ковром на пол гарнизонной парикмахерской. Прошло более 60 лет, но мои волосы и до сих пор «спереди до пол-уха».

В штурманскую группу были зачислены студентки из разных вузов Москвы. Поселили нас в Доме спорта, где мы спали на двухэтажных кроватях. И началось упорное учение: классные занятия по 11 часов в день, включая «морзянку» и строевую подготовку, а по вечерам надо было готовиться к следующему дню. Дисциплина в части была очень жесткая. Старостой штурманской группы была назначена Галя Докутович, студентка МАИ. Пришла она в полк со своей подругой, историком из МГУ Полиной Гельман. Еще в Гомеле Галя начала заниматься в аэроклубе, летала на самолете, на планере, а Полину не взяли — она не доставала ногами до педалей самолета, очень уж была маленькая. Когда нам выдали комбинезоны на меху, небольшая Полина никак не могла быстро его надеть, и вот Докутович дала ей наряд: каждый вечер перед сном пять раз надевать и снимать комбинезон, пока наконец она не стала укладываться в положенное время. Мы улыбались — и это лучшая подружка! — но... староста.

Мужчины, обучающиеся в ЭВАШП, глядели на нас с усмешкой и состраданием и называли батальоном смерти... А Вера Ломако, известная летчица, говорила нам: «Девушки, да вы смотрите на них свысока».

В столовую ходили мы только строем под дружную песню. Катя Буданова запевала.

Впереди бежал черный бобик и облаивал встречных мужчин.

Начались тренировочные полеты. Для многих штурманов они оказались тяжелым испытанием: возникала физическая

слабость, тошнота, головокружение... Но мы сжимали кулаки, не поддавались, и постепенно все проходило.

Раскова спрашивала: «Ну как? Будешь летать?» «Буду!» - отвечали будущие штурманы.

6 февраля 1942 года из группы формирования был выделен наш 588-й ночной авиаполк, укомплектованный самолетами У-2 (позднее переименованные в По-2).

Марина Раскова лично привезла приказ НКО о назначении Бершанской Евдокии Давыдовны командиром 588-го ночного бомбардировочного полка и присвоении ей звания - капитан.

Евдокия Бершанская была кадровым летчиком с большим опытом организационной и летной работы. Она летала и ночью, и в слепом полете, командовала женским отрядом пилотов, который был создан в Батайской летной школе. Она была награждена орденом «Знак Почета».

Комиссаром полка была назначена батальонный комиссар Евдокия Яковлевна Рачкевич, адъютант Военно-политической академии. А начальником штаба назначили меня, присвоив воинское звание - лейтенант.

Кадровых штабных работников в части не было, а я окончила курсы штурманов, была комсоргом группы. Приказ подписали, не побеседовав со мной, а когда я сказала Расковой, что хочу летать, то услышала в ответ: «Я гражданских разговоров не люблю». Надо было рапорт подать, наверное? Не догадалась.

Весь штаб был сформирован из вновь подготовленных штурманов, моим заместителем по оперативной работе стала Аня Еленина. Для нас началось обучение штабной работе, но и с полетов нас не снимали. Как-то мы опоздали на тренировочные полеты, и нас отстранили: «Раз вы в штабе...» Мы шли домой, обливаясь слезами: так было обидно, так хотелось летать... Об этом сказали Бершанской. Мне было очень стыдно за то, что она узнала, что я плачу. Но нам разрешили полеты, и мы окончили полный курс.

Кроме нашего, были сформированы еще два женских полка: 586-й истребительный авиационный полк (ИАП) на самолетах Як-1 и 587-й авиационный полк (АП) пикирующих бомбардировщиков на самолетах Су-2.

Командиром 586-го истребительного полка была назначена Тамара Казаринова, а 587-го – Марина Раскова.

Много было мужчин среди инженерно-технического состава: слишком сложная техника, нельзя было быстро обучить девушек.

Позже взамен погибших летчиц в полки зачислялись и мужчины.

У нас весь состав полка был женский. Были созданы две авиационные эскадрильи (АЭ). Всего полк состоял из 115 человек.

Наш учебный самолет создавался не для военных действий. Деревянный биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для летчика и штурмана.

До войны на этих машинах летчики проходили обучение. Без радиосвязи и бронеспинок, способных защитить экипаж от пуль, с маломощным мотором, который мог развивать максимальную скорость 120 км/час. На самолете не было бомбового отсека, бомбы привешивались в бомбодержатели прямо под плоскости самолета. Не было прицелов, мы создали их сами и назвали ППР (проще пареной репы). Количество бомбового груза менялось от 100 до 300 кг. В среднем мы брали 150–200 килограммов. Но за ночь самолет успевал сделать несколько вылетов, поэтому суммарная бомбовая нагрузка была сравнима с нагрузкой большого бомбардировщика.

С первых дней войны По-2 начал приносить армии огромную пользу. На нем вывозили раненых, он служил для связи с партизанами в тылу противника, для разведки. Устойчивый в полете, легкий в управлении, наш По-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог сесть на деревенской улице или на опушке леса.

Особенно успешным оказалось ночное бомбометание по переднему краю противника с этих маленьких машин. Конечно, днем воевать на этом самолёте было невозможно, поскольку он представлял собой отличную мишень, а вот ночью малая скорость позволяла поражать цели в ближнем тылу противника с точностью, недоступной для других самолетов того времени. С наступлением темноты и до рассвета По-2 непрерывно летали над целью, сменяя друг

друга, методично, через каждые 2-3 минуты, сбрасывая бомбы на врага. Поэтому во время войны на всех фронтах всегда было несколько полков с самолетами По-2.

Вечером 8 марта погода была вполне благоприятной для полетов. Экипажи ушли по маршруту и на полигон для бомбометания. Вскоре усилился ветер, пошел снег. Из полета не вернулись четыре экипажа — два с маршрутного полета и два с бомбометания...

На рассвете вернулся самолет Нины Распоповой со штурманом Лелей Радчиковой, они сели на вынужденную в поле. А три машины были разбиты: Ани Малаховой и Маши Виноградовой при полете по маршруту - девушки погибли; Лили Тормосиной и Нади Комогорцевой при бомбометании - девушки погибли; Иры Себровой и Руфины Гашевой при бомбометании - самолет разбит, а девушки живы и не получили никаких повреждений...

Выяснилось, что экипажи Тормосиной и Себровой, придя на полигон и попав в сложную метеообстановку, потеряли пространственную ориентацию и врезались в землю. Вела звено командир звена Попова со штурманом Рябовой. Они вернулись благополучно... Но помочь ничем не могли...

Надежда Комогорцева и Руфина Гашева - две неразлучные подружки с мехмата. Надя — яркая, стройная блондинка, хорошая спортсменка, восторженно начала летать. У нее были еще две сестры, которые тоже ушли на фронт... Надя любила покомандовать и звала Руфу «Гашонок». Руфа — тихая, спокойная девушка. Она в нашем полку перенесла больше всех: дважды попадала в аварию, дважды ее сбивали, и это ничуть не меняло ее облик. Она говорила про себя: «У меня чувство страха запаздывает».

Потеря четырех подруг была для всех нас большим горем...

Полк задержали в Энгельсе для дополнительной тренировки, и только через два с половиной месяца, 23 мая 1942 года, был получен приказ о вылете на фронт. Радости нашей не было предела...

Свой личный самолет У-2 с летчицей Ольгой Шолоховой Раскова передала мне. Мы вылетели раньше всех, чтобы организовывать прием полка на промежуточных аэродромах.

Лидировали перелет полка Марина Раскова с Бершанской. Мы прибыли на Южный фронт, недалеко от города Ворошиловграда (сейчас - Луганск). Там только что была создана 4-я воздушная армия (ВА). Командовал армией генерал-майор К.А. Вершинин.

Бершанская, как она рассказывала, развернула перед К.А. Вершининым рулон ватмана со списком летчиков и их налетом. Он даже не усмехнулся, увидев такой «штабной» документ. Особенно его волновали три вопроса: летали ли мы в лучах прожекторов, умеем ли возить во второй кабине самолета двух человек и могут ли летчики производить посадку по сигнальным фонарям без подсвечивания посадочных прожекторов? Только на третий вопрос был дан положительный ответ...

К.А. Вершинин сказал, что полк войдет в состав 218-й дивизии, которой командовал полковник Д.Д. Попов. В шутку он сказал, что Попов такой «купец», который «покупает» самолеты всех типов. В дивизию входят полки на бомбардировщиках СБ, Р-5, а теперь и наш полк на самолетах По-2.

Нас поселили не в землянки или палатки, а в красивые домики, в которых стояли кровати, застеленные белыми простынями с пододеяльниками. У дверей мы поставили своих часовых. Перед глазами стоит картина: подходит полковник Попов к дому, часовой перекладывает винтовку из правой руки в левую, а правой приветствует командира дивизии. Усмешку он сдержал. Попов приехал в полк познакомиться с личным составом и самолетами. Все шло хорошо, но командир был невесел, молчалив. Раскова спросила его, вспомнив шутку командующего: «Ну что же, товарищ полковник, покупаете?» Попов помолчал немного и ответил: «Да, покупаю...» Комиссар дивизии потом рассказывал, что Попов, узнав, что на пополнение дивизии прибыл полк на фанерных самолетах По-2, да еще женский, сказал: «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?»

В сентябре 1942 года Попов «купил» еще один полк на самолетах По-2 – 889-й полк под командованием К.Д. Бочарова. Весь дальнейший путь прошли мы рядом. Это были наши «братцы».

Мы почувствовали, что и дивизия, и армия принимали наш необстрелянный, неопытный полк неохотно, боялись слез и женских капризов, удивлялись тому, что в тылу нас не тренировали, как уходить от огней прожекторов и зенитного обстрела. Летчики из соседних мужских полков смотрели на девушек с откровенной иронией и называли нас «Бабий» или «Дунькин» полк (по имени командира - Евдокии Давыдовны Бершанской).

Конечно, многого мы тогда не умели, но такой, как у нас, энтузиазм в работе, такой сплоченный коллектив можно было встретить не во всяком мужском полку, ведь мы пришли на фронт не по долгу, а по велению души.

Раскова трогательно попрощалась с нами, пожелала нам получить ордена и стать гвардейцами. Она говорила, что мы должны доказать, что женщины могут воевать не хуже мужчин. Она была удивительно красива и женственна, и в то же время для неё не было слова «невозможно»... Какая-то особая сила и уверенность исходили от Марины Расковой. И нам она всегда говорила: «Девочки, никого и ничего не бойтесь. Если вы уверены в своей правоте, смело идите вперед». Я потом всю свою мирную жизнь жила по этим заветам Марины Расковой.

27 мая 1942 года полк прибыл на Южный фронт и вошел в состав 218-й дивизии 4-й воздушной армии.

Части Южного фронта отступали от Ворошиловграда и Ростова. В ночь на 9 июня полк начал воевать. Первой вылетела на задание командир полка.

В первую неделю на фронте казалось, что нам дают не настоящие цели, поскольку с земли не стреляли зенитки и нас в небе не ловили лучи прожекторов. Но с первого же вылета не вернулся экипаж командира эскадрильи Любы Ольховской, летавшей со штурманом Верой Тарасовой. А когда Ирина Дрягина прилетела с дыркой в плоскости самолета, стало ясно, что воюем по-настоящему!

Уже после войны в газету «Правда» пришло письмо от жителей небольшого поселка в Донбассе. Они писали, что в июне 1942 года над их поселком был сбит самолет По-2. Он упал недалеко. Утром они нашли сбитый самолет, в кабинах сидели две женщины. Они были мертвы. В письме описывали их внешность. Тайком их похоронили, но не знали их имен.

Они просили найти родных этих девушек. Письмо редакция переслала к нам в Совет полка. Мы поплакали, было ясно, что речь идет о Любе и Вере. Рачкевич поехала туда, могилу вскрыли и опознали наших летчиц. Их перезахоронили в городе Снежном.

Это были первые боевые потери полка!

А тогда, в 1942 году, вместо Ольховской и Тарасовой назначили командиром эскадрильи Дину Никулину, а штурманом Женю Рудневу, нашего «звездочета», как ласково называли ее девочки.

Дина Никулина — яркий человек, можно сказать, «лихой» летчик... Женя Руднева — скромная, мягкая девушка, мечтательница, влюбленная в далекие сверкающие звезды.

Командиром другой эскадрильи была Сима Амосова, летчик гражданской авиации, впоследствии заместитель командира полка по летной части, штурман - Лора Розанова. Штурманом полка была Соня Бурзаева.

В первые недели на фронте не все было гладко, была горечь и боль первых потерь, аварии по неопытности, трудности с воинской дисциплиной. Была неловкость за свою армейскую неподготовленность, которая, как мы ни старались, то тут, то там вылезала наружу.

Иногда немецкие танки почти вплотную подходили к нашему аэродрому, надо было срочно перебазироваться куда-то на восток, где никто не готовил для нас площадок, самолеты находились в воздухе, а радиосвязи с ними не было. Один из наиболее опытных летчиков в темноте находил подходящую площадку и разжигал на ней костер. Бершанская дожидалась посадки самолетов, чтобы сообщить экипажам данные о направлении полета.

Бывали случаи, когда наземному техническому составу приходилось идти пешком на эту новую точку, поскольку не хватало машин, чтобы их перевезти. Не было точных данных о том, где находятся наши, а где немецкие части, и наших летчиков днем посылали на разведку. В воздухе господствовала немецкая авиация, а днем на По-2 летать было очень опасно. Помню, как Дуся Носаль уходила от истребителя по балочкам и оврагам, как подожгли машину Нади Поповой, а ей удалось выбраться и вернуться в полк.

Назывались эти полеты «спецзадание», они не входили в число боевых вылетов. Надя Попова и теперь говорит, что это были самые трудные полеты, труднее, чем на бомбежку.

Мы летали каждую ночь. Бомбили по немецким колоннам, по железнодорожным станциям и переправам. Лишь только наступали сумерки, вылетал первый экипаж, через 3-5 минут второй, затем - третий. Когда на вылете стоял последний самолет, мы уже слышали тарахтенье возвращающегося первого. Он садился, пока летчик докладывал о выполнении задания и наземной обстановке, на самолет под плоскости подвешивали бомбы (ах, как тяжелы были «сотки»), заправляли машину бензином, и экипаж снова летел на цель. За ним второй... И так до рассвета, и так каждую ночь...

Мы отступали почти до Владикавказа, остановились в чеченской станице Ассиновская. Полк участвовал в обороне Владикавказа, уничтожал скопления войск и техники противника в районах Моздока, Прохладной, Дигоры, а с января 1943 года — в действиях нашей армии по прорыву обороны противника на реке Терек и в наступательных операциях в районе Ставрополя и долины реки Кубань.

Чтобы уменьшить время в полете и благодаря этому успеть за ночь сделать больше вылетов, нам организовывали так называемый аэродром подскока, поближе к линии фронта. Перелетали на такой аэродром поздно вечером, а утром возвращались на основную площадку, где и маскировали свои машины в саду, между деревенскими домиками. Оставаться днем на аэродроме подскока было слишком опасно, поскольку он был в зоне досягаемости фронтовой артиллерии противника.

С самого начала полку пришлось вести работу в исключительно тяжелых условиях. Армия отступала за Моздок, в гористую местность. Малейший просчет штурмана или летчика - и катастрофа неминуема, так как горы были выше высоты полета. Часто из-за туманов не было видно аэродрома, внезапно начинались снегопады или дожди, воздушные потоки швыряли наши легкие машины на сотни метров вверх или вниз.

Никогда раньше, в мирное время, не летали летчики на таких самолетах в подобной обстановке. Такая цель, как Моздок, имела в обороне все виды зенитного огня, десятки

прожекторов и к тому же была защищена целой огневой полосой со стороны Кизляра.

Нам приходилось маневрировать: один экипаж вызывал на себя огонь зенитной артиллерии, а другой в это время заходил и бомбил по этим точкам. Это уже называлось «новой тактикой боевой работы». Враг терялся и стрелял беспорядочно.

С не менее трудными условиями столкнулись мы при прорыве «Голубой линии», которая была построена немцами от Черного до Азовского моря и считалась ими неприступной. Мы совершали полеты на Новороссийск и Керчь, участвовали в освобождении Севастополя. Все эти направления имели важное тактическое значение и поэтому были прикрыты плотным огнем зенитных батарей, в воздухе патрулировали ночные немецкие истребители, ночное небо освещалось лучами прожекторов.

А много ли нужно, чтобы сбить наш тихоходный самолет, состоящий из фанеры и ткани (перкаля)? Одна зажигательная пуля могла превратить его в пылающий факел!

Ну и трудно мне было в первый год. Мало я понимала в самолетах, в бензине, в бомбах, оперативных сводках, слабо знала военный устав и многое другое, что должна была знать. Я ведь была начальником штаба - первым заместителем командира полка.

Девчонки меня не очень слушались, спорили, когда я назначала кого-нибудь на дежурство.

В штабе начали работать и другие девушки. Начальником строевого отдела стала Рая Маздринна, она окончила историко-архивный институт. Она решила оставить двух маленьких детей со своей мамой в тылу, чтобы добровольно пойти на фронт, где в то время уже сражался ее муж. Голос у неё такой красивый, до сих пор на наших встречах мы просим её спеть.

Начальник химической службы Гумилевская Тамара сейчас живет во Львове. Начальник шифровального отдела Нина Волкова стала после войны бессменным членом Совета полка.

Начальником связи назначили Валю Ступину, бывшую студентку МАИ. Валя - невысокая, всегда улыбающаяся девушка с озорным выражением лица. Валя окончила вместе с нами штурманские курсы и летала на боевые задания. Она

тяжело заболела, но долго не хотела уезжать в госпиталь, боясь отстать от своего полка. В 1943 году она умерла в госпитале от онкологического заболевания. На её должность перевели Раю Маздрину. Но её в том же году отозвали из полка на учебу. Назначили Катю Доспанову, которая после госпиталя вернулась в полк. У неё был перелом обеих ног. В этой должности она служила до окончания войны.

Назначенная на должность начальника оперативного отдела бывшая студентка химического факультета Аня Еленина говорила мне с отчаянием в голосе: «Ты, Ирина, по крайней мере, умеешь быть серьезной, а я ведь даже этого не умею...»

Кадровыми военными были только инженеры полка и комиссар Евдокия Рачкевич.

Первые оперативные сводки, я думаю, доставили много веселых минут штабным работникам дивизии. Мы, например, писали: «Ветер на разных высотах разный», «летчик Чечнева встретила три самолета - один впереди и два по бокам»...

Меру своего незнания и меру терпения Бершанской я ощутила, когда мы с ней перелетали на новую точку через невысокий хребет на Кавказе.

Из моих рук ветром вырывало штабной планшет с картой, он раза в три больше обычного штурманского. И я решила пристроить его у своих ног, воткнула в загородочку вокруг ручки управления.

Даже и не подумала, что теперь он мешает Бершанской вести машину. Вижу, ручка дергается, тут только я поняла, что сделала, выдернула планшет, и так мне стало стыдно... Приземлились...

Дуся так спокойно спрашивает меня: «Что, у тебя нога попала?»

Я также спокойно: «Нет, я планшет поставила».

И все. Ни укора, ни возмущения...

Мне очень страшно было первый раз идти в штаб дивизии. Однако шуточный тон полковника Лучкина, его добрые слова подбодрили меня.

Появилось в полку много новых людей, для них я уже была не подружка, а начальник штаба, всё по уставу...

А что такое штаб? Это похоже на деканат факультета. Оперативная, строевая, хозяйственная работа. От получения

боевого задания на ночь до наградных листов, а также заказов на обмундирование, заказов на переезды на новые площадки. И кроме того, дежурство на старте во время полетов: журнал вылета, прием докладов от экипажей, связь с оперативным пунктом дивизии, да много еще чего... В штаб входило 6 человек, да еще адъютанты эскадрилий и дежурные по части. Аня Еленина проработала со мной в штабе до конца войны, в мое отсутствие полностью меня заменяла.

Иногда удавалось слетать в качестве штурмана на боевое задание. Но редко...

Однажды к нам в полк прибыл начальник штаба дивизии полковник Лучкин и сказал: «А что же Вы, товарищ командир, не представляете своих людей к правительственным наградам? Некоторые летчики и техники вполне этого заслуживают».

Началось оформление наградного материала. И какая была радость, когда 27 октября генерал К.А. Вершинин вручил ордена сорока летчикам, штурманам и техникам.

13 августа 1942 года полк перелетел в станицу Ассиновская. Это большая станица по дороге на Владикавказ, на берегу белой от известняка речки Ассы. Мы долго простояли в ней - почти всю зиму 1942/43 года, пять месяцев. Здесь началось становление нашего полка.

В станице - арыки и сады. Под яблонями - самолеты. Летчики рулили по мосткам через арык. Прекрасная маскировка. Стояли сильные туманы. Девушки сидели в самолетах, ждали погоды, чтобы не терять ни минуты, когда туман рассеется. Часто так и спали, на постели потом уснуть не могли, жаловались: «Не чувствую борта самолета под локтем...»

Здесь особенно ярко проявились качества нашего командира Е. Бершанской. Она была исключительно требовательна к выполнению боевых заданий. Можно было в плохую погоду оставить летный состав в станице, но на старте нужно держать один дежурный самолет (разведчик погоды), а если прояснится - вызвать все остальные экипажи.

Поднять по тревоге полк и привести его на аэродром требовалось 30–40 минут, следовательно можно потерять один боевой вылет полка. Если же все летчики будут дремать на старте - эти полчаса будут выиграны и будет сделан дополнительный десяток боевых вылетов.

Пожалуй, уже с этого времени мы начали выигрывать негласное соревнование с мужскими полками.

Когда мы перелетели из Эльхотова в Ассиновскую, я обнаружила, что не взяла в батальоне аэродромного обслуживания (БАО) продовольственный и вещевой аттестаты полка. Новый БАО покормил нас, но требовал аттестат. Бершанская была сердита и сказала: «Лети».

Верочка Тихомирова, тогда летчик связи, завела мотор, и мы полетели через горы. После ночной работы безумно хотелось спать, вставало солнце, могли уже появиться самолеты противника, а я, на мгновение засыпая, ударялась головой о козырек кабины.

В Эльхотова стоял 288-й истребительный полк. Мы нашли домик командира полка и постучали в окошко. Выглянул молодой мужчина в белой нижней рубашке. Я доложила: «Начальник штаба 588-го полка лейтенант Ракобольская». Он как-то побелел, глаза испуганные. Но когда я рассказала о цели нашего прилета, он радостно заулыбался, помог мне найти БАО и признался под конец: «А у меня выбыл начальник штаба полка по болезни, я и подумал, что мне Вас прислали вместо него, даже испугался».

В Ассиновской я потеряла печать полка. Тонкий резиновый кружочек давно отклеился от деревяшки, и я хранила его в кармане гимнастерки. Потерять печать означало только одно - трибунал...

Поэтому я проверила свой пистолет ТТ, есть ли в нём патроны, и на коленях долго ползала по грязному полу штаба, надеясь найти печать. Произошло чудо: где-то у стенки, под пожелтевшим плакатом «Берегите детей от летних поносов» (раньше в этом доме был детский сад), я нашла свою печать. Стреляться уже было не нужно...

У одного из экипажей осталась неиспользованной светящаяся авиабомба (САБ) - горящий факел, который на парашюте спускался над целью и освещал местность. Обычно штурман держал эту бомбу на коленях и бросал через борт самолета. Двое вооруженцев вскрыли оставшуюся после полетов бомбу, вынули парашют и сшили себе трусики и лифчики (мы тогда получали только мужское белье). Не знаю, как об этом узнали и кто передал дело в трибунал. Но только их судили и дали по 10 лет. Мы получили разрешение, чтобы

они отбывали наказание в полку и боевой работой оправдались. Обе переучились на штурманов. Обе были награждены орденами... Одна из них погибла во время полета над «Голубой линией», другая осталась жива.

Как-то девушки постирали в арыке свое немудреное бельишко и повесили сушить его под крылья самолетов - прямо на расчалки. В этот день в полк приезжал К.А. Вершинин и долго не мог простить нам такую инициативу: «Вы только подумайте, белье - на боевые машины».

Но зато, выступая на одном из партсобраний полка, сказал: «Вы самые красивые женщины в мире, потому что настоящая красота заключается не в накрашенных бровях и губах, а в том великом душевном порыве, с которым вы воюете за свободу нашей Родины». Еще он говорил о том, что не может без волнения смотреть, как тоненькие хрупкие девочки поднимают тяжелые деревья, маскируя машины, как навешивают бомбы на самолеты, а затем ведут их на цель.

Да, действительно, откуда только брались силы... Машина Марины Чечневой стояла на старте с подвешенными бомбами, когда в небе она увидела приближающиеся немецкие самолеты. Марина, невысокая щуплая девушка чуть моложе 20 лет, одна оттащила самолет на край площадки. Где она взяла силы?

В Ольгинской вернулась в полк Ольга Санфирова. Долгая и тяжелая была история. В Энгельсе во время тренировочных полетов по маршруту заместитель командира эскадрильи Санфирова «вывозила» летчика Зою Парфенову. В каком-то месте они пролетели под линией высоковольтных проводов, задели за них и разбили машину. Трибунал в Энгельсе признал виновной Ольгу, поскольку она отвечала за полет, и дал ей десять лет лишения свободы. Полк на фронт вылетел без неё. Командование полка написало начальнику ЭВАШП, просило помочь Санфириной вернуться в полк и в боях искупить свою вину.

И вот она прибыла в полк. Надо было дать ей штурмана, и мы решили перевести к ней Руфину Гашеву, а к Ире Себровой назначить другого штурмана. Захотела летать с Себровой Наташа Меклин. Себровой и Гашевой, которые летали вместе, не везло: во время учебного бомбометания в Энгельсе их

самолет упал в числе еще трех экипажей, но они остались живы. Потом, уже на фронте, возвращаясь с задания, при посадке столкнулись с прожектором (зашли на посадку с противоположной стороны) - и опять авария...

В таких случаях у экипажа часто появляется чувство неуверенности в себе, поэтому состав экипажа надо изменить.

Так Гашева начала летать с Санфировой, и их экипаж стал одним из лучших в полку. Постепенно их повышали в должностях, пока Ольга не стала командиром, а Руфа - штурманом эскадрильи. Не помню, когда сняли с Ольги судимость, была она неоднократно награждена, и уже посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Была Ольга очень красива, со светлым живым лицом, ясными глазами, всегда с какой-то затаенной усмешкой на губах.

Как-то на Кубани, вернувшись с задания, Леля докладывала мне о расположении немецких огневых точек вблизи цели. Их было очень много. Я удивилась: «Мне никто еще этого не говорил». Санфирову обидело мое недоверие, и она предложила мне полетать с ней. И я полетела с ней в качестве штурмана. Действительно, зениток было много. Ольга не маскировалась, и они палили со всех сторон.

Потом я узнала, что она рассказывала своим: «Я показала начальнику штаба, как работают на позиции зенитки». А её техник, Тоня Вахромеева, укоряла ее: «Ради чего ты так рисковала, вас свободно могли сбить...» Кажется, после этого случая я сомнения свои вслух уже не высказывала.

В ночь на 1 мая 1943 года на третьем боевом вылете их сбили в районе Крымской. Ольге удалось посадить машину, но на вражеской территории. Двое суток пробирались они через линию фронта. Спасло их то, что недалеко были плавни - болото и камыши - в них они прятались от немцев. Шли они в ночное время суток. На рассвете 3 мая вышли на наши передовые артиллерийские позиции. Их покормили и помогли добраться до полка... В ночь на 4-е они снова летали на задание...

Потом их машину сбили над территорией Польши, в районе Насельска. Они выпрыгнули с парашютами (с 1944 года полк летал уже с парашютами) и попали на нейтральную полосу. Ольга Санфирова подорвалась на противопехотной

мине, а Руфа вышла к нашим бойцам. Руфа потом стала летать с новым командиром эскадрильи — Надей Поповой.

Мне казалось, что она не сможет летать после всего пережитого. Но Руфина Гашева была необыкновенным человеком, с невероятной силой духа...

И Санфирова, и Гашева, и Себрова, и Меклин — все они стали Героями Советского Союза.

Ира Себрова сделала в полку больше всех вылетов - 1004, даже произнести страшно. Я думаю, что во всем мире не найти летчика с таким количеством боевых вылетов.

Осень 1942 года. Шли бои под Сталинградом.

Наступило 7 ноября. Было объявлено общее построение полка в длинном коридоре одноэтажной школы. В моих руках пачка с поздравительными приказами по дивизии, 4-й воздушной армии, ВВС фронта. Я начала их читать. Вдруг к школе подъехало много легковых машин, на которых приехали генералы. Из них мне знаком был только К.А. Вершинин. Я обратилась к генералу, у которого на погонах было максимальное количество звездочек, и докладываю:

«Полк, смирно! Товарищ генерал-полковник, 588-й авиапункт для чтения приказов построен! Начальник штаба лейтенант Ракобольская».

Он поздоровался. В это время вбегает вызванная дежурным Бершанская, тоже считает звездочки: «Товарищ генерал-полковник».

Затем командир дивизии полковник Д.Д. Попов: «Товарищ генерал-полковник».

- Да что же вы все меня в звании снижаете! - усмехнулся командующий фронтом, генерал армии И.В. Тюленев.

Это мы привыкли, что, кроме звезд, на петлицах есть еще авиационная птичка, поэтому и недосчитывали одну звезду.

Повернулся И.В. Тюленев к генералам: «Вы писали поздравительные приказы, поздравьте лично, быстрее будет и лучше».

После поздравлений генералов И.В. Тюленев рассказал про первые победы под Сталинградом, а потом о нашем фронте, что перешли мы в наступление и взяли село Гизель.

Полк взорвался криками «Ура» и аплодисментами (и это в строю-то).

После построения все командование собралось в нашем штабе, мы доложили командующему о своей работе и своих проблемах, в том числе о громадных кирзовых сапогах... Брюками нашими он тоже остался не очень доволен.

И вот через какое-то время сняли со всех мерки и прислали нам коричневые гимнастерки с синими юбками и красные хромовые сапожки - американские. Только воду эти сапожки пропускали, как промокашка.

Долго после этого у нас эта форма с юбками называлась «Тюленевской». И надевали мы её только тогда, когда отдавался приказ: «Форма одежды - парадная». Например, когда получали Гвардейское знамя. Летать же в юбках, или бомбы подвешивать, или мотор чистить, конечно, было неудобно...

Вскоре после посещения полка И.В. Тюленевым пришло письмо от К.А. Вершинина Е.Д. Бершанской:

«Т. Бершанская!

И все твои бесстрашные орлицы, славные дочери нашей Родины, храбрые летчицы, механики, вооруженцы, политработники!

Приветствую и крепко жму руку.

1. Посылаю некоторое количество хотя и не предусмотренных «по табелю», но практически необходимых принадлежностей туалета. Кое-что имеется в готовом виде, а часть в виде материала, т.е. необходима индивидуальная пошивка. Я думаю, с последним справитесь.

Распределение сделайте своим распоряжением.

Получение прошу подтвердить.

2. Материал на присвоение полку звания Гвардейского - на подписи. Заслуги полка у всех вызывают единодушное одобрение. Заботу о всех вас проявляет лично т. И.В. Тюленев.

3. Приказы по индивидуальным правительственным наградам подписаны, в отношении вашего полка - без изменений.

Искренне поздравляю награжденных и желаю всем вам боевых успехов.

4. В отношении двух девушек, допустивших ошибку, - не нарушайте товарищеской обстановки. Дайте им возможность спокойно работать, а через некоторое время возбудите ходатайство о снятии с них судимости. Я уверен, что в конце

концов они, так же как и все остальные, будут достойны правительственной награды. (К.А. Вершинин пишет о тех девушках, которые вскрыли САБ).

5. При возможности прошу сообщить, какие у вас есть нужды и просьбы. Будьте здоровы!

Желаю успеха в боевых делах!

Командующий ВВС фронта К.А. Вершинин».

До 1944 года летали мы без парашютов. Да и кто раньше брал парашют на самолет По-2? Логика была простая: если собьют над вражеской территорией, то лучше погибнуть, чем попасть в руки к фашистам, а если над нашей, то как-нибудь сядем, наша машина прекрасно парашютирует...

У Веры Тихомировой заглох мотор на высоте 1000 метров, и она, планируя, посадила самолет. Дина Никулина села прямо на автодорогу, хотя была ранена.

Да и кабины были тесные, а штурман обычно брал себе на колени САБ и мелкие бомбы, например «лягушки» (они прыгали, прежде чем взорваться), а потом сбрасывал их прямо через борт над целью.

Скоро мы встали вровень с мужскими полками, а в чем-то и обогнали их. Резко изменилось и отношение к нам. Летчики «братских» мужских частей ласково называли нас «сестрѣнками».

К.А. Вершинин стал гордиться нашим полком и говорить, что мы самые красивые женщины в мире. И даже то, что немцы прозвали нас «ночными ведьмами», стало признанием нашего мастерства.

Конечно, девчонки оставались девчонками: возили в самолетах котят, танцевали на аэродроме в нелетную погоду, прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на портянках забавки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстраняли от полетов.

Всех нас объединял особый азарт, взаимное уважение и стремление доказать, что девушки могут быть в бою не хуже мужчин.

Вчера приехала Галя Докутович.

Галя Докутович родилась в Гомеле, в начале войны училась в Московском авиационном институте, окончила аэроклуб и так же, как все мы, пришла в полк по призыву ЦК

комсомола. Она была зачислена в штурманскую группу, да еще назначена старостой.

Высокая, стройная девушка с открытым ясным лицом и большими черными глазами. Безумно любила полеты, делала все строго и точно.

Когда формировали полк, Галю назначили адъютантом эскадрильи. Это было для нее ударом.

Галя очень переживала из-за этого назначения: ведь ей страстно хотелось летать! Позже, когда полк начал боевую работу на фронте, Галя добилась разрешения летать на задания.

В Сальских степях, когда она летала с Ириной Дрягиной, их самолет был обстрелян, и пока механики ставили заплатки на плоскости, Галя прилегла в мягкой траве на краю аэродрома и заснула. В темноте на неё наехал бензозаправщик... Рядом стояла медсанчасть, откуда вызвали санитарную машину. У Гали оказался сломанным позвоночник.

Я помню Галю, лежащую на носилках, бескровное ее лицо со сжатыми губами. Перед тем как её увезли, она попросила меня: «Ира, обещай мне, когда я вернусь в полк, вы больше не назначите меня адъютантом, я буду штурманом, у меня будет свой самолет и летчик». В этот момент я могла пообещать ей все что угодно! Не было никакой надежды, что Галя останется жива, не говоря уже о возвращении в полк.

Её эвакуировали в тыловой госпиталь, там она встала на ноги, научилась снова ходить. Она убедила медицинскую комиссию, что совершенно здорова. Докутович вернулась в полк с отпускным удостоверением, врачи все-таки предписали ей отдохнуть полгода, но справку медицинскую скрыла.

Хотели мы назначить её опять адъютантом. Но Галя напомнила мне и Бершанской данное мною слово, да еще показала, как она может делать стойку на руках. И вот она, штурман звена, летает каждую ночь, у нее свой летчик и своя машина. У неё болел позвоночник, она пила обезболивающие и тихо плакала на жестких нарах после полетов...

о гибели Галя успела сделать около 120 вылетов и получить свой первый орден.

Каждую ночь боевые экипажи вылетают на цель. Вспыхивают лучи прожекторов, они шарят по небу,

сближаются, и вот самолет пойман. Штурмана и летчика ослепляет нестерпимый свет...

Бьют зенитки. Хочется уйти вверх, вниз, но... перегруженный бомбами самолет идет с мизерной скоростью 60-100 км/час, в зависимости от скорости встречного ветра. Томительно тянется время. Иногда в течение 10 минут не удается уйти от прожектора. И это на высоте порядка 1000 метров. Выше мы обычно не летали, так как наши цели чаще всего были очень близко от передовой, и от нас требовалась особая точность бомбометания.

Около часа длится полет, а на земле ждут механики и вооруженцы. Осматривать, заправлять самолет, подвешивать бомбы они умели за три-пять минут.

Трудно поверить, что молодые тоненькие девочки в течение ночи руками, без всяких приспособлений, подвешивали до трех тонн бомб каждая.

При существующей системе обслуживания каждый механик сам выпускал свой самолет на задание ночью, он же готовил его к полетам днем. Времени на сон почти не оставалось.

Слишком многолюдно было на старте, и мало четкости в работе. Один тянул бензозаправщик или машину с бомбами в свою сторону, другой настаивал, чтобы в первую очередь был приведен в готовность его самолет...

И тогда мы ввели новую систему обслуживания - дежурными сменными бригадами. За каждым механиком закреплялась определенная операция на всех самолетах: встреча, заправка или выпуск... Вооруженцы тройками дежурили у машин с бомбами. Руководил один из старших техников АЭ (авиационной эскадрильи).

Аэродромная площадка ночью стала напоминать хорошо отлаженный заводской конвейер. Вернувшийся с задания самолет уже через пять минут был готов к новому вылету. Это позволяло летчикам при необходимости делать по 10-12 боевых вылетов.

Благодаря такой организации полетов мы стали совершать за ночь больше вылетов, чем «братцы».

Воодушевленная достигнутыми результатами, я уговорила нашего инженера Софью Озеркову обобщить для дивизии опыт обслуживания ночных боевых вылетов на самолетах

По-2, что та и сделала. В результате Озерковой объявили выговор за нарушение наставления по технической эксплуатации...

Соня долго не могла простить мне моего штабного рвення, советовала никогда не спешить с подобными донесениями начальству. Несмотря на «разнос», мы продолжали работать бригадами, но уже никогда не пытались обратить на это внимание вышестоящего руководства.

Инженер Соня Озеркова была кадровым военным. К моменту формирования полка имела за плечами десять лет службы в Иркутской авиатехнической школе. Вначале она нам казалась «сухой», но потом мы оценили и полюбили Соню. Оказалось, что знание устава Красной Армии не мешает ей, а даже помогает быть прекрасным работником, организовать техников, заботиться о них и любить.

Я уважала Соню за силу её характера, благодаря которой она не сломалась, когда после выхода из окружения была приговорена трибуналом наземной армии к расстрелу. Она отказалась подавать на кассацию.

Спас её, очевидно, комиссар дивизии Горбунов. Он писал мне уже после войны, что ему шофер сказал во время поездки: «А у женщин инженера полка к расстрелу приговорили...» Горбунов срочно отправил шифровку в штаб ВВС фронта. Они приостановили выполнение приговора, дело пересмотрели, и Соню оправдали.

Она вернулась в полк остриженная наголо, без улыбки на лице...

Мы приняли её, как будто ничего и не было. И она сумела справиться с пережитым ужасом.

Для сокращения времени стоянки на земле, летчики не вылезали из кабин даже для доклада дежурному работнику штаба. Доклады принимались тут же, у самолета. И через несколько минут после посадки летчик снова поднимал машину в воздух. И так до рассвета, и так каждую ночь.

Иногда нам объявляли «максимум», то есть мы получали задание сделать максимально возможное количество вылетов. Такое бывало при прикрытии десантов, прорыве оборонительных рубежей, освобождении наших городов, в общем, когда - «надо».

В ночи «максимумов» экипажи успевали сделать по 8-10 боевых вылетов, а ночью под Варшавой это число возросло до 17. Летчики и штурманы проводили в воздухе по 10 часов и более, 10 часов крайнего нервного напряжения, напряжения всех душевных и физических сил.

Но как бы ни было тяжело, девушки всегда рвались в бой, «дрались» за право вылетать первыми, чтобы успеть сделать побольше вылетов.

В 1942-1943 годах постепенно наш полк из комсомольского превращался в партийный. Уходя на боевое задание, летчики писали заявления: «Хочу идти в бой коммунистом». Нужно помнить, что те, кто вступал в партию в годы войны, на фронте, приобретали только две привилегии: быть первыми в бою и обрести страшную смерть, если доведется попасть в плен. Поэтому такой выбор заслуживает уважения.

Летом 1943 года выбыла из строя по болезни штурман полка Соня Бурзаева. Я помню, что мы с опаской назначили на эту должность Женю Рудневу. Безусловно, в это время она была лучшим штурманом в полку. В воздухе вела себя спокойно и уверенно. Но нас смущал её мягкий характер, боялись, что она не сможет быть настоящим командиром.

Но Женя стала замечательным штурманом полка. Штурманы признавали её авторитет, уважали, любили и выполняли все указания безоговорочно. Как штурману полка ей не полагалось много летать, она должна была на старте контролировать работу лётно-штурманского состава. Ссылаясь на то, что она должна знать каждого летчика в полку, его индивидуальные качества, она часто летала с ними штурманом. Это было единственное, за что на неё обижались, так как отстранение от вылетов являлось самой большой обидой.

Почти все молодые летчики свой первый боевой вылет совершили с Женей Рудневой: и Герой Советского Союза Магуба Сыртланова, и прекрасный летчик Рая Юшина, и переучившаяся из штурманов Герой Советского Союза Наташа Меклин, и многие другие.

Еще в 1942 году в полку была создана новая штурманская группа для обучения еще не вполне подготовленных к ночным боевым вылетам летчиков и штурманов. В тылу пополнение

для женского полка никто не готовил, и мы вынуждены были делать это сами. Кроме того, мы переучивали на летчиков своих штурманов.

Чтобы формально иметь в полку «школу», была создана еще одна, так называемая учебная эскадрилья. Командиром была назначена Марина Чечнева - невысокая худенькая девушка с огромными черными глазами. Марина окончила среднюю школу, в 1939 году - московский аэроклуб. Работала старшей пионервожатой в школе, одновременно лётчиком-инструктором Центрального аэроклуба. Мечтала быть лётчиком-истребителем, но Раскова рассудила иначе, и Марину зачислили в наш полк.

Летала с Ольгой Ключевой, ровно, спокойно, потом стала командиром звена, затем командиром учебной эскадрильи. В других полках учебных эскадрилий не было.

Через некоторое время учебная эскадрилья стала учебно-боевой и сочетала боевую и учебно-тренировочную работу.

К концу войны у Марины было 810 боевых вылетов, и мы представили её к званию Героя.

Тренировкой летчиков в основном занималась Серафима Амосова, назначенная к этому времени заместителем командира полка по летной части. Сима Амосова - кадровый летчик с сильным волевым характером. Она обучала и тренировала молодых пилотов, помогали ей командиры эскадрилий. Несмотря на большую работу днем, она много летала на задания. Сделала более 500 боевых вылетов.

Я с ней тоже летала на боевые задания. На обратном пути отдаст управление в твои руки, а сама поет в переговорную трубку какие-нибудь песенки... Пела она довольно хорошо.

Летчиками стали штурманы Женя Жигуленко, Рая Аронова, Наташа Меклин, Нина Ульяненко и механик Никитина Маша.

Штурманов же готовили из вооруженцев и механиков. Руководила штурманской группой, создавала для неё программу, вела основные курсы Женя Руднева, помогали ей штурманы эскадрилий. Не один десяток новых штурманов ввели они в строй... Среди них Ира Каширина, которая потом привела самолет с погибшей Дусей Носаль, Саша Акимова, ставшая штурманом эскадрильи, Героем России, Олечка

Яковлева - девочка с твердым характером, Ольга Голубева - наша «артистка».

Оля пришла в полк с актерского факультета института кинематографии, сначала была мастером по спецоборудованию, потом прошла обучение в штурманской группе и стала летать. На её счету около 600 боевых вылетов. Выступала на всех концертах самодеятельности. Была она всегда весела, остроумна, чуть кокетлива и насмешлива. Хорошие книги написала после войны о своих полетах.

А вот вооруженцев набирали из девушек, прибывающих в Воздушную армию по мобилизации. Их распределяли по всем полкам на подсобные работы. Командование помогало нам набрать хорошее пополнение. Штаб армии однажды запросил списки отличниц боевой службы для вынесения им благодарности, а потом большинство из них перевели в наш полк. Всего во время войны, уже на фронте, мы приняли и подготовили 150 человек. Это больше, чем один ночной авиаполк.

Обычно авиаполки, после боев с большими потерями, отводили в тыл, там доформировывали, давали новую матчасть, тренировали. Наш полк ни разу в тыл не отводили.

Когда в 1943 году полк вернулся на землю Ставрополя, мы вновь остановились в станице Солдато-Александровской, где нам пришлось базироваться в период отступления. Мы вернулись с победой! Встречали нас всем селом.

В апреле 1943 года мы стояли в станице Пашковская, на окраине Краснодара, откуда летали в течение двух месяцев. Там, в ночь на 1 апреля, произошла трагедия...

Как всегда аэродром был не освещен, самолеты, возвращаясь с боевого задания, подходили в полной темноте и с погашенными огнями АНО (аэронавигационные огни — три лампочки: на правой, левой плоскости и на хвосте: красный, белый и зеленый). На четвертом развороте самолет Юли Пашковой и Кати Доспановой столкнулся с самолетом командира эскадрильи Полины Макагон и Лиды Свистуновой.

На аэродроме слышали только треск и грохот от падения машин. Они были полностью разбиты. Макагон и Свистунова погибли сразу. Юлю пытались спасти, но 4 апреля она тоже умерла.

У Кати Доспановой были сломаны обе ноги. Её отвезли в госпиталь в Ессентуки. Через некоторое время стало ясно, что сращивание костей идет неправильно. Ломали гипс, правили кости... Месяца через три Катя Доспанова вернулась в полк и вскоре стала опять летать на боевые задания, преодолевая сильные боли. Поэтому нам все же пришлось перевести ее на штабную работу.

Катюша Доспанова - студентка медицинского института, единственная казашка в нашем полку, и, скорее всего, единственная девушка из Казахстана, летавшая в качестве штурмана на боевые задания.

Кто-то был виноват в этой катастрофе, отвлекся, не разглядел силуэт идущей впереди машины. И мы заплатили за это тремя жизнями.

А вскоре произошла еще одна трагедия.

В бою с «мессершмиттом» у Новороссийска убили Евдокию Носаль – заместителя командира эскадрильи. Привела на аэродром и посадила самолет штурман Ирина (Глафира) Каширина.

Дуся была одним из лучших летчиков полка. С мая 1942 года по апрель 1943 года совершила 354 боевых вылета на бомбардировку объектов противника, уничтожение его живой силы и техники.

Евдокия Носаль первой в нашем полку была удостоена звания Героя Советского Союза, посмертно...

А Иру Каширину наградили орденом Красного Знамени. Погибла она позже, когда мы летали на «Голубую линию».

Ирка-Глафирка привлекала к себе внимание и мягкой улыбкой, и удивительной чуткостью. Ее не только любили, к ней все тянулись.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1943 года Каширина вылетела на задание с летчиком Валентиной Полуниной. Их самолет был сбит, экипаж погиб.

После станции Пашковской полк базировался в кубанской станции Ивановской и довольно долго, с мая до сентября 1943 года, летал из нее. Жили в центре села в школе, спали на нарах. Часть состава жила в ближайших домиках у хозяек. Самолеты стояли вдоль широкой улицы, ведущей к взлетной площадке. В этой же станции стоял и полк Бочарова, имевший на вооружении самолеты По-2. Обслуживал нас один БАО

(батальон аэродромного обслуживания). Мы принимали участие в наступательных операциях по прорыву оборонительной «Голубой линии» противника на Таманском полуострове и в боевых действиях по освобождению Новороссийска.

В станице Ивановской у нас был большой праздник – 10 июня нам вручили гвардейское Знамя. Приехали К.А. Вершинин и член Военного совета фронта А.Я. Фоминых.

Бершанская прочла гвардейскую клятву, потом поцеловала знамя. Строй полка повторял за ней: «Клянусь! Пока видят наши глаза, пока бьются наши сердца и действуют наши руки, беспощадно истреблять фашистских захватчиков!» Кричали: «Ура!»

Знаменосцем полка назначили Наташу Меклин, а помощниками - штурмана Иру Каширину и механика Катю Титову. Был торжественный обед. Мы чувствовали, что это наш праздник, только наш день!

Наташа написала гимн полка, и мы пели:

На фронте встать в ряды передовые

Была для нас задача не легка.

Боритесь, девушки, подруги боевые,

За славу женского гвардейского полка!

Вперед лети с огнем в груди.

Пусть знамя гвардии алеет впереди!

Врага найди, в цель попади -

Фашистам от расплаты не уйти!

С тех пор, когда намечалась ночь «максимум», когда цели были определяющими, мы выносили знамя полка на аэродром, около него стоял часовой... К этому знамени потом были прикреплены два ордена - Красного Знамени и Суворова 3-й степени. Сейчас оно хранится в Музее Советской Армии.

Наташа Меклин - красивая невысокая девушка с обаятельной улыбкой. Знаменосцем полка она оставалась до последних дней войны. Хорошо писала стихи: «Про бравого штурмана», «Молитва летчика», «Юле», «Гвардейский гимн полка». Мы выписывали их в свои тетрадки из литературных журналов эскадрилий.

Наташа в 1942 году пришла ко мне с просьбой назначить её штурманом к Ире Себровой. Неуверенность в себе

появилась у Иры после двух тяжелых аварий. Наташа сумела вернуть Ире веру в себя, их экипаж стал одним из лучших в полку. Около года летали они вместе, а дружили потом всю жизнь.

Наташа переучилась на летчика. Штурманы любили с ней летать, в ней не чувствовалось страха, она была спокойна и внимательна, умело выходила из-под лучей прожекторов и из-под обстрела. Если у Себровой к концу войны было 1004 боевых вылета, то Наташа имела 980.

В станице Ивановской произошло чрезвычайное происшествие. Во время боев на Таманском полуострове Отдельной Приморской армией командовал генерал Иван Ефимович Петров, герой обороны Одессы и Севастополя. Он не смог приехать к нам, когда полку вручали гвардейское Красное Знамя. Встреча наша произошла несколько позже.

В тот июньский день после ночных полетов летный состав отдыхал, механики занимались моторами: чистили, смазывали, чинили, были все в бензине и масле.

В землянке командного пункта находились только двое дежурных: от полка Бочарова и от нас. Случайно (потом говорили, что водитель заблудился) машина с командующим выехала на наш аэродром, подъехала к КП. Генерал Е.И. Петров вышел и объявил боевую тревогу. Дежурный полка Бочарова передал приказ в свой штаб. А у наших самолетов никто не появился.

Петров удивился этому, и только после этого наша дежурная срочно передала сигнал тревоги к нам в штаб. Никогда, ни после этого события, ни до него, днем нам не объявляли тревогу: поднять в воздух полки По-2 в то время, когда летали немецкие самолеты, казалось невозможным. Поэтому мы к боевой тревоге днем не были готовы. БАО не смог быстро направить машины к общежитию, чтобы привезти летный состав на аэродром. Через некоторое время экипажи были готовы к взлету.

Полк взлетел, потом, по сигналу ракеты, сел. Петров велел привезти мишени и стоял на старте, а вылезавшие из самолетов экипажи стреляли по ним. Я видела, как у девушек дрожали руки... Генерал выстрелил сам, все пули в центре: «Вот как надо стрелять».

Потом было построение частей. Генерал И.Е. Петров объявил о снятии с должности командира БАО, объявил выговор Бочарову. Потом подошел к нам.

Конечно, я понимаю, что строевое впечатление мы производили так себе, ниже среднего - механики в серых грязных комбинезонах, летчики - кто в строевой форме, кто в комбинезоне... У кого-то Петров проверил, как затянут ремень, - ему не понравилось, и он показал, как надо: «Вот такой должна быть заправка», — а потом произнес гневную речь...

Он говорил о том, что на нас навешали ордена за красивые глаза, что никогда не получить бы нам гвардейского звания, если б он видел нас раньше.

Петров приказал вырыть землянки возле аэродрома и жить там, а также заниматься строевой подготовкой и стрельбой. Он объявил Бершанской выговор и уехал.

По рассказу И.Е. Петрова был издан приказ К.А. Вершинина. В нем было написано, как долго полки собирались по тревоге, какая плохая у нас строевая подготовка, объявлено по выговору командирам полков.

Землянок на аэродроме для нас не построили, но прислали капитана, который занимался с нами строевой подготовкой...

Дважды приезжал И.Е. Петров к нам в Пересыпь. Первый раз неожиданно: мы с Бершанской примеряли новые брюки на вещевом складе в соседней станице, когда нам сообщили об этом. Мы сели в машину и примчались в Пересыпь.

Командующий ходил по аэродрому! Он был один! Удивленно сказал Бершанской: «Тревоги не объявлял, а они все вылетели!» Полк посадили по сигналу ракетой. Построили. Петров проверил внешний вид. Командующий предложил объявить конкурс по стрельбе среди летных полков: «Вы все мужские полки победите». В тот раз Петров остался полком доволен.

И еще раз приехал И.Е. Петров в наш полк 7 ноября 1943 года. Собрал в помещении нашего штаба генералитет фронта и ВВС, наш полк и устроил нам праздник. Я не была на нем, так как получила на две недели отпуск и была в Москве.

Больше мы И.Е. Петрова не видели, но запомнили навсегда.

С кубанской станицей Ивановской связано много событий в истории полка.

Бесстрашный летчик, командир эскадрильи Маша Смирнова, впоследствии Герой Советского Союза, 22 сентября 1943 года, первой сделала 500-й вылет. Мы и поспраживали по этому поводу.

Внешне Маша походила на мальчика-подростка. Небольшого роста, с такой тоненькой талией, что, казалось, вот-вот переломится, краснощекая, круглолицая, с большими голубыми глазами. Она была всегда аккуратная до мелочей. Маша летала в нашем полку со дня его формирования и до конца войны. В эскадрилье её уважали и побаивались. Она была требовательна и справедлива. Она была награждена орденом Александра Невского.

Я всегда удивлялась, почему не бледнеют её щеки от долгих бессонных ночей. Ведь каждую ночь - полеты, каждое утро - тренировка молодых летчиков.

Первым в полку звание Героя присвоили: Носаль, Никулиной, Рудневой, Смирновой, Пасько.

Самой страшной была ночь на 1 августа 1943 года. Мы летали на «Голубую линию», которую немцы считали неприступной.

В первый вылет ушло 15 экипажей. Цель недалеко, видны лучи прожекторов, ловившие наши машины. Вдруг видим: вспыхнул самолет, медленно, огненным шаром падает. Смотрю по журналу вылетов, кто горит сейчас над целью.

Возвратилась первая машина, экипаж доложил, что видел, как горел самолет в 22.18. Возвратился другой экипаж, который видел, как горела машина в 23.00, а зенитки не стреляли. Почему?

И так четыре пожара в разное время. Вернулись из 15 только 11, которые поняли уже над целью, что немцы выпустили против нас ночных истребителей, потому зенитки и не стреляли, чтобы не сбить своих. Наша маленькая машина, пойманная лучами прожекторов, является такой прекрасной мишенью для истребителя, достаточно одного выстрела.

Девочки, выходя из-под лучей прожекторов, стали резко терять высоту, уходить почти на бреющем, чего не могли истребители при их скоростях. Тем и спаслись, кто понял и успел. А восемь человек погибли - сгорели. Среди них Галя Докутович, летавшая с постоянной болью в позвоночнике, Ира

Каширина, Соня Рогова, у которой в тылу осталась двухлетняя дочь.

Вот как эта ночь была описана в оперативной сводке.

«1 августа 1943 г.

1. Новых данных о действии войск противника перед СКФ (Северо-Кавказским фронтом) не поступало. Линия БС (боевого соприкосновения) без изменения.

2. В ночь на 1.8.43 г. полк имел задачу: «Уничтожить войска противника в населенных пунктах: Красный, Львовский, Трудовой, им. Луначарского».

3. Командир полка задачу решил выполнять одиночными самолетами с интервалом 20 мин. Маршрут прямой: аэродром — цель, высота действия 1300 метров, круг левый.

4. Всего произведено по заданным целям 15 самолетов-вылетов. Налет - 14 часов 23 мин. Израсходовано боеприпасов: 8 ФАБ-50, 8 АО-25, 8 ампул с «КС», 12 САБ-3, 100 АО-2,5, 4 ЗАБ-100-40П.

В результате бомбардировочных ударов в п. имени Луначарского вызван большой очаг пожара, начавшийся сильным взрывом, и в п. Красный - 1 очаг пожара.

В районе боевых действий экипажи встретили активное противодействие со стороны ПВО противника, и главным образом со стороны его истребительной авиации и прожекторов.

С задания не вернулись 4 экипажа: Высоцкая, штурман Докутович; Крутова, штурман Саликова; Полунина, штурман Каширина; Рогова, штурман Сухорукова.

3 экипажа сбиты ИА и 1 предположительно огнем ЗА.

Задание выполнено не полностью. Вылет был прекращен распоряжением из штаба дивизии.

5. Место дислокации полка — Ивановская».

Родным мы должны были сообщить, что девушки «пропали без вести». Мы понимали, что они не могли остаться живыми, но прямых доказательств не было.

И только после войны Рачкевич поехала в эти места и нашла могилы сгоревших девушек, которых похоронили местные жители. Их захоронили в посёлке Красном, там же погребен и экипаж Белкиной-Фроловой, сбитый несколько раньше. Стоит теперь памятник, и на нем 10 фамилий...

Девушки нашего полка вместе с мужчинами-летчиками участвовали в освобождении Новороссийска. Когда началось наше решительное наступление на Новороссийск, то в помощь наземным войскам и десанту морской пехоты была направлена авиация, в том числе 8 экипажей из нашего полка. Руководила группой Серафима Амосова - заместитель командира полка.

Стояли наши летчики на той же площадке, что и морская авиационная часть. Они уступили девушкам две свои землянки и с большим интересом наблюдали, как они работают, как бомбы вешают, как ночью непрерывно уходят на цель. Надо сказать, на цель сложную. Маршрут проходил или над морем, или над горами и ущельями. Были очень сильные воздушные потоки. Каждый экипаж успевал за ночь сделать 6-10 боевых вылетов. Аэродром находился близко от передовой, в зоне, достижимой для корабельной артиллерии противника.

Наступила последняя ночь перед штурмом Новороссийска, ночь с 15 на 16 сентября. Получив боевую задачу, летчики вырулили на старт. На командном пункте аэродрома присутствовало командование воздушной и наземной армий. Все находилось в напряженном ожидании, нетерпеливо посматривали на часы.

Вдруг вокруг вспыхнули тысячи огней, все загремело, загрохотало. Несколько минут продолжалась артиллерийская подготовка. Казалось, горы тоже гудели, земля дрожала.

Это была незабываемая, страшная и вместе с тем захватывающая картина. По окончании артподготовки полк получил приказ на вылет. Всю ночь самолеты подавляли очаги сопротивления противника, а на рассвете поступил приказ: разбомбить штаб фашистских войск, расположенный в центре Новороссийска у городской площади, и экипажи полетели вновь. Штаб был уничтожен.

Когда вернулись, прочли радиogramму, полученную с передовой, от моряков, сражавшихся на земле: «Благодарим братишек-ночников за поддержку с воздуха». Они и не знали, что вместе с «братишками» летали и «сестренки».

Опыт боев за освобождение Новороссийска, опыт совместной работы наземных войск и ночных бомбардировщиков очень пригодился при форсировании

Керченского пролива, при создании плацдарма уже на Крымском берегу, а потом и на Одере, а потом и на Висле.

Со станицей Ивановской у меня связано еще одно переживание. 10 сентября вызвали меня утром в штаб дивизии, которая находилась в станице Старотиторовской. Я полетела с летчиком на дежурном самолете. Мы летели низко-низко над землей. Впереди мы увидели невысокий курган и начали набирать высоту, вдруг раздался удар по мотору. Летчик развернула машину в сторону кукурузного поля. Самолет скапотировал, мы вывалились из кабин. Машина была полностью разбита, в кукурузе её не было видно. Я пошла в дивизию - километров десять от места аварии. Когда дошла, узнала, что нас уже ищут.

С полковником, заместителем командира дивизии по летной части, поехали на легковом автомобиле к месту аварии самолета. День жаркий, дышать нечем. Пилот ждет у самолета. Говорит: «Я ходила на курган, там стоит здоровый белый столб, мы его не разглядели и врезались в него». А мне подмигивает одним глазом. Полковнику было жарко лезть на высоту, поэтому мы поехали в полк.

Так в акте и фигурировал белый столб. Только потом мне летчик рассказала, что врезались мы в курган, так мотором его и пропахали. Но если бы это было установлено, оргвыводы могли быть другими, а так - столб белый, можно и не заметить. Объявили нам по выговору за «неосмотрительность».

Ноябрь 1943 года - май 1944 года

В период наступления мне особенно запомнился аэродром юго-восточнее Темрюка. На аэродроме и вокруг него все было заминировано, даже виноградники. Жить было негде, спали мы все под плоскостями самолетов. Площадка была расположена на берегу лимана. Ветер поднимал пыль, от которой все задыхались. В песчаном тумане иногда было трудно узнать товарища.

9 октября Тамань была полностью очищена от немецких оккупантов. За участие в боях за Тамань наш полк по приказу Сталина получил благодарность и наименование Таманского. Это было для нас большим торжеством.

Торжество после боевой ночи было назначено на утро. Чествовали нас прямо на аэродроме. Выкатили бочку виноградного вина, из соседнего полка прислали винограду, но ветер дул такой сильный, что все угощение оказалось в песке.

Осенью 1943 года наши войска пошли в наступление на Керченский полуостров. В конце октября мы были перебазированы на аэродром около маленького рыбацкого поселка Пересыпь на берегу Азовского моря и отсюда совершали боевые вылеты почти 6 месяцев.

Аэродром был на узкой полоске земли между морем и высоковольтной линией проводов, тянувшихся вдоль дороги, параллельной берегу, соединявшей косу Чушку и Темрюк. Провода служили прекрасной маскировкой. Кто бы мог подумать, что на таком кусочке земли расположен аэродром?

В этом месте постоянно были туманы, штормовые ветры и дожди. Только начинали летать - дул боковой ветер такой силы, что наши легкие машины почти опрокидывались, и полеты прекращали. Стихнет ветер - взлетаем снова. Порой приходилось очень трудно.

Обстановка на фронте была настолько напряженной, а необходимость в наших полетах настолько велика, что приказывали летать и в плохую погоду.

С конца октября начались наши полеты на Керчь, когда мы прикрывали высадку десантов на побережье пролива.

По самому краю полуострова шла линия немецкой обороны. Десантные войска подплывали ночью на катерах или танкерах. С берега их обстреливала артиллерия. Мы летали со специальной целью - бить по прожекторам и артиллерийским точкам.

Когда над целью появлялся самолет, немцы выключали прожектора. А наши машины появлялись над целью через каждые две-три минуты. Это давало возможность катерам подойти к берегу. Иногда десантники просили: «Хоть не бомбите, если облачность низкая, хоть мотором шумите». За шумом мотора не было слышно шума винта подходящего с моря катера с нашим десантом.

В определенный момент, когда десант подходил к берегу, по сигналу ракеты мы переносили свой удар в глубь обороны

противника и подавляли его артиллерию. Подобным образом мы действовали и потом, при десанте через Вислу и Одер.

Так мы прикрывали десант на пункт Эльтиген, южнее Керчи, где была десантирована знаменитая сибирская дивизия Гладкова. Слава о ней шла по всей Кубани. Но нашим войскам не удалось соединиться с керченским десантом, они оказались в окружении немецких войск (с моря их тоже блокировали) на пятачке земли без снабжения и помощи. Ночные авиаполки летали к ним и сбрасывали боеприпасы, продукты, медикаменты.

В центре Эльтигена стояла школа - единственный крупный ориентир. Надо было сбрасывать груз с южной стороны от школы, потому что на другой стороне поселка находились немцы. Приходилось снижаться до 150-100 метров, чего ночью раньше никогда не делали. Часто работали двумя экипажами: первый бомбил огневые точки, второй сбрасывал продукты.

Когда бойцы этой дивизии все-таки прорвались к Керчи и потом проходили по Таманскому полуострову, они заходили к нам, благодарили за помощь, иногда жалели, что картошку сбрасывали им сырую, печь её они не могли, по кострам враг сейчас же открывал огонь. Мы удивлялись, откуда они знали, что наш полк летал к ним, туда ведь летали и другие полки нашей дивизии. Оказывается, только наши девушки, убирая газ, кричали сверху: «Полундра, лови мины» или: «Морячки, куда картошку?» С малой высоты голоса так хорошо слышны.

Гладков писал впоследствии, что девичьи голоса в темном ночном небе помогали бойцам больше, чем мины и картошка.

Иногда ставили перед полком и другую задачу: освещать САБом подходящие к берегу катера противника, не бомбить их, потому что практически попасть в катер ночью с большой высоты невозможно, а освещать, представляя ясную мишень для нашей артиллерии.

Однажды редакция армейской газеты получила письмо от солдата пехоты, оно было написано не очень грамотно, но интересно.

«Некоторые говорят, что такое женщины? Как часто к ним плохо относятся. А у нас здесь летают женщины на самолетах. Мы называем их «наши Маруси». Мы этим Марусям очень благодарны. Как только они появляются ночью над немецкими

частями, немцы сразу перестают стрелять, и мы можем спокойно отдыхать, даже спать. Мы просим наше письмо напечатать в газете, чтобы все знали, какие они - наши Маруси и как они нам хорошо помогают...»

Это письмо мне показал редактор нашей газеты.

Когда мы летали через пролив, нам выдали морские куртки с особым порошком. При попадании в воду эта куртка надувалась, и человек в ней не тонул. Но для нас это была ненужная вещь. Летали ведь ночью: если самолет упадет в море, ты сумеешь выбраться из кабины, куртка надуется, продержишься в ледяной воде полчаса, ну час, кто тебя подберет? Катер сторожевой? Так он ночью разве найдет тебя?

Боевые ночи... Сколько их было. Многие неизгладимо врезались в память.

Ночи темные и длинные. Полеты начинаются с заходом солнца, а заканчиваются с рассветом.

На аэродроме нет ни землянок, ни специального помещения для летчиков. Да они им и не нужны. Девушки всю ночь не вылезают из кабин самолетов, разве только выпить стаканчик горячего чая, стоя около машин. У механиков и вооруженцев тоже не было передышек: они заправляли бензином и оснащали бомбами приземлившиеся самолеты.

У посадочной полосы установлен прожектор, но включаем его в исключительных случаях (чтобы не демаскировать аэродром), по красной ракете штурмана или в сплошной туман. Внутри прожекторной машины есть телефон, карты и журнал боевых действий. Это своеобразный передвижной штаб полка.

Еще светло, а в штабе в поселке уже трещит телефон. Из дивизии передают задачу на ночь: цели - Булганак и Катерлез; бомбить живую силу, склады с боеприпасами и артиллерийские батареи противника. Напряжение - максимальное, сколько сможем.

Бершанская поставила задачу командирам эскадрилий. Я заканчиваю график полетов. Ни в коем случае нельзя перепутать, какая эскадрилья вылетает сегодня первой, иначе шума не оберешься. Ведь первые до рассвета успеют сделать на один вылет больше. А за вылеты все буквально «дрались». Приходит ко мне летчик и требует: «Я не могу дежурить по части, я хромаю, я могу только летать».

Первый самолет уходит в воздух, ровно через три минуты второй, за ним третий, четвертый... Взлетает последний, и на какое-то время становится непривычно тихо. Докладываю в дивизию и уже слышу, как со стороны моря нарастает шум — возвращается первый экипаж.

Горят керосиновые фонари «летучая мышь» (свет от которых видно только с одной стороны), обозначая посадочную площадку. Вернувшийся экипаж докладывает Бершанской о выполнении задания, об обороне противника, о погоде.

В это время садится следующий самолет, за ним - другой. А первый уже вырывается на старт и снова поднимается в воздух.

Ночь – «максимум». Вокруг машин копошатся механики и вооруженцы. Пока все идет хорошо, и непрерывной цепочкой садятся и уходят в ночь самолеты, туда, к линии фронта, где разгорается пламя пожаров.

Звонит телефон. Начальник штаба дивизии, поддразнивая меня, говорит, что «лошади майора Бочарова успели сделать больше выездов», чем мы. Не верится что-то. Некстати вспоминается, как недавно от неудачно выпущенной ракеты сгорел хвост самолета. А у Бочарова подбили машину, и он отправил нам телеграмму: «Лошадь погибла, хвост подходит Озерковой...» Таков шифр.

Иду посмотреть, как обстоят дела на старте. Свет фонаря выхватывает из темноты сосредоточенные, перепачканные лица вооруженцев. Шутка сказать - на каждую из них уже приходится около двух тонн подвешенных бомб...

Теперь мы принимаем доклады прямо у кабин экипажа, я влезаю на крыло самолета (только после первого вылета экипаж приходит к нам к прожекторной машине). Они докладывают совсем устало: уже по девять вылетов сделала каждая из них.

Светает. Садятся последние самолеты. Сегодня все закончилось благополучно. Все вернулись. Полеты были эффективными. Девчонки идут на завтрак и спать...

В апреле 1944 года полк летал каждую ночь. Готовилось большое наступление наших войск в Крыму. У всех было бодрое, радостное настроение.

В ночь на 9 апреля над Керчью штурман полка Женя Руднева совершила свой 645-й вылет с летчиком Панной Прокопьевой.

Летчиком, в общем, она была опытным, но в полк прилетела недавно и боевых вылетов имела не больше 10. Следуя своему правилу, Женя проверяла молодых.

Над целью их самолет был обстрелян из автоматических зенитных пушек «эрликон» и загорелся. Через несколько секунд внизу взорвались бомбы — штурман успела сбросить их на цель. Некоторое время горящий самолет продолжал лететь на запад, надо было сбросить листовки, потом повернул на восток, и тут экипажи других машин увидели, как из первой кабины стали вылетать ракеты.

Сначала медленно, спиралью, а потом все быстрее самолет начал падать на землю, казалось, что летчик пытается сбить пламя. Потом из самолета фейерверком стали разлетаться ракеты: красные, белые, зеленые. Это уже горели кабины... А может быть, Женя прощалась с нами. Самолет упал за линией фронта. Видно было, как он ярко вспыхнул последний раз и стал угасать.

Я дежурила в эту ночь, прилетающие экипажи докладывали, что видели горящий падающий самолет. По расчету времени мне стало ясно, что это были Прокопьева с Рудневой. До утра вооруженцы писали на бомбах «За Женю»...

Когда через два дня началось наступление, мы перелетели в Крым. Я с командиром эскадрильи Ольгой Санфириной летала к месту гибели Панны и Жени: мы хотели найти хотя бы обломки самолета, а может быть, увидеть и их тела.

Сколько видела я после этого линий фронта и разрушенных городов, но никогда не встречала такой израненной земли, как в Керчи и её окрестностях. Всё было в воронках от бомб и снарядов. Всюду лежали разбитые и сожженные машины, куски сбитых тяжелых самолетов. От города остались лишь темные печные трубы, а целых домов не было.

Следов нашего маленького По-2 мы не нашли. И долго еще в душе теплилась надежда, что Прокопьева и Руднева живы, хотя мы и знали, что так быть не могло. А Женина мама надеялась, что дочь ее жива...

Тяжело переживали мы гибель Жени Рудневой, нашего звездочета и сказочника, любимой подруги. И только после войны мы узнали, что оставшиеся под Керчью жители подобрали останки наших девушек. Прокопьеву приняли за мужчину и похоронили в общей могиле, а Женю - отдельно и написали, что здесь лежит неизвестная летчица.

Давно уже они перезахоронены, и им поставлен памятник на военном кладбище города Керчи. Звание Героя Советского Союза было присвоено Жене посмертно...

С апреля полк базировался в Крыму в селе Карловка. Встречали нас жители восторженно. Поскольку БАО не смог привезти продукты, сложно было с переправой через пролив, население покормило нас.

Стояла пасхальная неделя. На улице были накрыты длинные столы. Я помню, что поставили и бутылочку с надписью «святая вода». Наш комендант из БАО улыбался: «Вот как маскировали водку». И налил генералу Верову из штаба 4-й ВА, сидящему с нами. Тот попробовал и предложил коменданту выпить с ним, чокнулись... Я никогда не видела раньше такого огорченно-разочарованного лица. Это была действительно «святая вода».

Мальчишки из дома, где расположился штаб, побежали смотреть «летчиков» и вернулись разочарованные: «Разве это летчики? Бабы!»

Земля вокруг была голая, поэтому наши машины стояли ничем не замаскированные. Возвращавшийся с задания фашистский летчик обстрелял нас - загорелся один самолет, был ранен механик. А потом прилетели немецкие самолеты и начали нас штурмовать.

Никогда днем нас не штурмовали. И только теперь мы поняли, что чувствует пехота, когда над ними с ревом проносятся самолеты, и они видят лица улыбающихся летчиков и бомбы, которые летят на них. Я лежала в какой-то канаве на краю поля. Нет, я не вспоминала свою жизнь и не прощалась с мамой, были две четкие мысли: «Почему я такая большая?» и «Только бы сразу».

Но больше штурмовики не возвращались: поднялись наши истребители, завязался бой, и фашисты ушли.

Когда с Перекопа двинулся 4-й Украинский фронт, немцы стали отступать так быстро, что нам каждое утро приходилось менять аэродромы.

Прилетали, выбирали площадку, располагались. Подвесим бомбы, пообедаем, тут уже и темнеет - начинаем летать. Кончаем полеты в 5 утра. Командир полка или кто-то из командиров эскадрилий летит вперед на поиски нового аэродрома, а я лечу в штаб армии за указаниями, где работать следующей ночью. Часов в двенадцать перелетаем на новую площадку. И так почти ежедневно. Спали под плоскостями самолетов.

За бои по овладению Феодосией наш полк был награжден орденом Красного Знамени. Помню, когда по телефону нам сообщили о награде, в штабе полка находились я и парторг полка Мария Рунт. Мы пошли на старт сообщить эту радостную новость. Идем по аэродрому, встречаем девушку. Я её останавливаю. Она вытягивается перед нами как положено.

- Поздравляю Вас!

- С чем?

- Наш полк награжден орденом Красного Знамени!

Девушка забывает об армейской субординации, всплескивает руками, бросается нас целовать и с криком бежит дальше.

На старте мы сообщали о награде каждому прилетающему экипажу. Из одного самолета раздался непонятный шум: оказывается, они по переговорной трубке устроили митинг.

Впоследствии орден прикрепили к нашему знамени. Конечно, это награждение было не за одну Феодосию, а также и за Керчь.

Во время боев в Крыму наш полк был в составе 2-й гвардейской Сталинградской Краснознаменной ночной бомбардировочной авиационной дивизии, состоявшей из одних полков на самолетах По-2. Это был третий раз, когда нас перевели в другую дивизию. Командовал дивизией генерал-майор П.О. Кузнецов.

Экипажи других полков этой дивизии брали на борт по 300 килограммов бомб, а мы всегда брали не более 200. Стали и наши летчики брать увеличенный бомбовый груз, а экипажи Поповой, Чечневой, Никулиной увеличили нагрузку до 370 кг.

Оказалось, что это можно, только быстро изнашиваются моторы.

Весной 1944 года с 27 апреля по 13 мая мы стояли в совхозе «Чеботарский» и начали летать в район Севастополя. Город был очень сильно защищён зенитной артиллерией. Мы насчитывали иногда до 50 прожекторов. Поэтому экипажи были вынуждены подходить на большой высоте - до 1800 метров, убирать газ и планировать на цель.

Надя Попова говорила впоследствии: «Кто не летал на Севастополь, тот не представляет себе, каким может быть заградительный огонь». Дуся Пасько вспоминала, что ничего страшнее полетов на Севастополь не было. Тем замечательнее, что мы в этих полетах не имели потерь.

После освобождения города еще пару дней летали на мыс Херсонес, тоже на аэродромы врага, там их было три. А потом видели, как фашисты на лодках, верхом на бревнах и досках пытались отплыть от Крымского берега. Куда? Может быть, рассчитывали на свои корабли? Или так, от отчаяния? Видели немцев, которые вместе с нашими солдатами убрали разбитую технику на берегу.

В полку царили радость и воодушевление. Мы никогда не видели такой впечатляющей картины разгрома фашистской армии. Казалось, что вот он, конец войны!

Во время боев в Крыму мы входили в 8-ю воздушную армию. Затем нас, уже в составе 4-й ВА, перевели на Западный фронт.

И вот летом 1944 года мы уже в Белоруссии, на аэродроме Сеща. Смоленск был уже освобожден, бои шли где-то в районе Могилева.

Летом мы почти все время жили в лесу. Мы выбирали полянку, пригодную для взлета и посадки. Палаток не ставили. Летчики спали под самолетами, остальные - под деревьями. Если было время, для штаба строили шалаш. Но чаще мы располагались под березой, делая указатели: «КП – сюда». К березе приколачивали дощечку с надписью: «Штаб».

Дивизия полковника Покоевого, в которую мы были переведены, состояла из полков, имевших на вооружении только самолеты По-2. Гвардейских частей среди них не было.

Когда шли бои на минском направлении, проезжая со штабом на полуторке по центральному шоссе, мы видели на

обочинах брошенную и разбитую технику. Наша армия шла вперед, освобождая пункт за пунктом, а разбитые остатки немецких войск оставались в тылу наших войск.

Оборудуя взлетную полосу на опушке небольшой рощи, мы узнали, что недалеко от нас находятся немцы с артиллерийскими орудиями. Поэтому наши эскадрильи днём срочно перелетели на новую площадку, а штаб и часть техников остались до утра ждать машин. Недалеко шел бой. Я сняла знамя полка с древка, обернула его вокруг себя под гимнастеркой и потуже затянула ремнем... Утром подъехали машины, и мы уехали.

Иногда наши машины обстреливались при перелетах.

Однажды техник Пилипенко осталась у подбитого самолета, с ней были два бойца БАО. У них была одна винтовка. Вдруг из леса вышла группа немцев с белым флагом. Это генерал Фалькнерс и его штаб решили сдаться в плен. Они направились в ближайшую войсковую часть, в сопровождении одного нашего бойца.

В боях под Замбровом самолет Макаровой-Белик был сбит. Татьяна Макарова была командиром звена. Их самолет, летевший на небольшой высоте, был обстрелян вражеским самолетом уже над нашей территорией, когда они возвращались с боевого задания. Машина загорелась. Таня и Вера погибли. Утром мы нашли их обгоревшие тела. Похоронили их недалеко от польского городка Остроленка. Звание Героев они получили посмертно.

В сентябре шла высадка наших десантов за реку Нарев в район укрепленного немецкого плацдарма. Мы прикрывали их с воздуха.

В октябре мы бомбили немецкую оборону в Модлине, Пултуске, находившиеся на марше воинские соединения, мосты и пути сообщения. Враг сопротивлялся яростно и упорно.

В ночь на 22 декабря полк сделал 324 вылета. Это был рекорд. Некоторые экипажи успели сделать по 16 вылетов за ночь - это примерно двенадцать часов «чистого воздуха». Мы сбросили 60 тонн бомб, а у нас работало всего 15 вооруженцев.

Зимой 1944/45 года полк стоял в бывшей усадьбе бежавшего помещика Далеке. Летали преимущественно в район Варшавы, были награждены медалями «За освобождение Варшавы». Наши войска продолжали свое победное наступление. Мы миновали Варшаву и продвинулись к Восточной Пруссии.

Зимой замело снегом все дороги, и грузовые машины не могли подвозить снаряды к передовой. Мы получили задание днем возить боеприпасы на По-2. Только на них в таких условиях можно было это сделать.

Вспоминается, как Зоя Парфенова, ведя самолет к артиллеристам, увидела, что немцы заходят в тыл нашей части. Самолет обстреляли, её ранило в ногу. Но она все же совершила посадку около артиллерийских орудий, доложила командиру о немцах и сдала боеприпасы. После того как ей перевязали ногу, она взлетела, вернулась на аэродром и только тогда отправилась в госпиталь. В конце войны Зоя Парфенова стала Героем Советского Союза.

В феврале 1945 года фронт подошел к Восточной Пруссии.

Весной «наземникам» нужна была активная поддержка, а мы не могли взлететь: почву развезло от дождей, колеса самолетов увязали в грязи, машины с бензином и бомбами не могли подъехать к взлетной полосе. И тогда Бершанская приказала построить деревянную полосу. Были разобраны сараи и заборы и положен первый деревянный настил метров 30 шириной и порядка 200 метров длиной. А впоследствии строили площадки и длиннее.

Полеты проводились так: стоит в грязи самолет, потом слышна команда «раз, два, взяли» и машину вытаскивают на доски. Потом идут девушки с ведрами и заливают в баки бензин, тащат на руках бомбы, подвешивают. Потом, перекрестясь, техники держат самолет за плоскости, чтобы мотор набрал больше оборотов на месте и меньше был взлетный пробег, затем команда «отпускай», техники разбегаются, и машина «как ведьма на помеле» взмывала в воздух. После посадки машина скатывалась на поле, её вытаскивали на полосу, и начиналось все сначала. Адская была работа!

С таких деревянных полос полк совершил более трех с половиной тысяч вылетов. Первую полосу построили около Грауденца в Восточной Пруссии, строили их и потом, вплоть до Данцига.

После боёв в Восточной Пруссии к нам в полк впервые приехал командующий фронтом маршал К.К. Рокоссовский. В феврале еще девяти нашим девушкам было присвоено звание Героя Советского Союза. И 8 марта, в женский день, Рокоссовский приехал, чтобы вручить Звезды Героев и другие ордена.

Выступая перед полком, Рокоссовский сказал: «Слышал я легенды о вашем полку, еще когда командовал Первым Белорусским фронтом. Мне это казалось сказкой. Теперь вижу, что это было. Я вижу женский авиационный полк!»

В Данциге и Гдыне немцы встретили нас сильным зенитным огнём. Мы стояли близко от моря, из-за тумана часто не было видно аэродрома. Иногда приходилось садиться на вражескую территорию.

Экипаж Серебряковой-Павловой, попав в густой снегопад, решил приземлиться на площадке вблизи небольшого немецкого городка. Из-за плохой видимости их самолет зацепился за провода и был разбит. Под его обломками Серебрякова и Павлова пролежали до утра. Утром к машине подошли две немки с детьми. Они и вытащили девушек. Обе были без сознания. Клава Серебрякова пострадала очень сильно - у неё были переломы рук и ног. В госпитале она пролежала больше года. Она совершила около 550 боевых вылетов.

После Польского коридора нас перебазировали под Штеттин, работали на прорыв линии фронта на Одере.

В первые майские дни 1945 года летали на Свинемюнде.

В ночь на 9-е я проснулась от выстрелов, криков, взрывов ракет. В небе полыхали красные, зеленые, белые огни. Выскочив на улицу, я увидела наспех одетых девочек, стрелявших в воздух из стрелкового оружия, а также ракетниц.

- Что такое?

- Конец войны!

У стартера Р. Прудниковой был радиоприемник, и она узнала об этом раньше всех.

Ну и праздник устроил нам БАО, прямо на улице. И «братцы» приезжали, чтобы поплясать вместе с нами.

Мне 9 мая присвоили звание майора.

Последнее место нашей дислокации было севернее Нойбранденбурга.

После Победы командующий дал нам отпуск, нас отвезли в местечко Альт Резе, где раньше у немцев была школа, в которой обучались женщины-разведчицы. Прекрасные условия: дома, спортивные площадки, парк, озеро. Место, о котором можно только мечтать. Девочки играли в волейбол.

В штабе писали последние оперативные отчеты, последние наградные листы.

У меня иногда была такая тоска... Я думала о том, как мы приедем домой без денег, без образования, как будем жить. Хорошо, что до войны я училась в высшем учебном заведении, а ведь многие девушки окончили только десятилетку, а то и того меньше, им надо было начинать учиться. За эти годы отцы и матери их постарели, не смогут их содержать, и значит, надо работать, а у них нет гражданской специальности.

В конце мая к нам снова приехал К.К. Рокоссовский со своими главными штабными командирами и командованием 4-й ВА. Он решил устроить для нас праздник Победы. Это совпало с трехлетием нашего пребывания на фронте. Привез с собой даже фронтовой оркестр. Мы ликовали - все кончилось: не будут больше гореть наши самолеты! Мы танцевали, пели, пили вино.

И снова маршал удивил меня. Во время танцев ему позвонил (по прямой линии) И.В. Сталин. Музыка мешала, К.К. Рокоссовский плохо разбирал слова, но не остановил оркестр, невпопад сказал Сталину «так точно».

Маршал рассказал нам про ужин, посвященный дню Победы, который состоялся в Кремле: Сталин посадил его рядом с собой, потом взял его бокал и поставил на пол. Рокоссовский замер... Сталин поставил на пол и свой бокал. Потом взял свой бокал, Константин Константинович сделал то же, чокнулись. И тогда Сталин сказал: «Уважаю тебя, как мать-землю».

Рокоссовский приказал представить к награде за последнюю операцию всех, кто заслужил. «И не скупись», - сказал он Вершинину.

У нас были готовы наградные для представления к званию Героя Советского Союза на 11 человек, совершивших 700–800 боевых вылетов. Звание Героя получили девять женщин. Наградные документы на двоих отложили, но в пятидесятилетнюю годовщину Победы подняли наши старые представления, и им присвоили звание Героя России. Много женщин получили ордена летом 1945 года.

Утром генеральская команда играла в волейбол против команды 2-й авиаэскадрильи. Рокоссовский сказал мне, что он умеет хорошо «гасить». Однако генералы проиграли нашим девушкам с совершенно разгромным счетом.

В Альт Резе произошло чрезвычайное происшествие в полку. Молодая летчица, прибывшая в полк (после окончания аэроклуба где-то в глухом сибирском местечке) примерно за пять-шесть месяцев до конца войны, родила ребёнка в конце мая 1945 года. Мы знали, что у нее был муж из этого же клуба, что он погиб, но никто не предполагал, что она ждала ребенка. Она всегда рвалась летать на задания, а когда окончилась война, стремилась быть дежурным летчиком как можно чаще. Кажется, на её счету было больше сотни боевых вылетов.

Когда она начала полнеть, а это только в Альт Резе стало заметно, подружки заставляли ее заниматься физкультурой, не давали много есть, не подозревая, что ей вот-вот родить...

Ночью она пришла к врачу, и её отправили в авиационный военный госпиталь, там и появился на свет её мальчик. Это было ЧП! Первая реакция - возмущение! Это в нашем-то полку!

Когда мы с Бершанской приехали к Вершинину, страшно расстроенные, он долго смеялся, а потом произнес речь, смысл которой можно передать так: «Дуры вы, дуры, она же герой, она с ребенком летала на боевые задания, война окончилась, её награждать надо, не возмущаться. Надо подумать, как ей помочь».

Мы уже были в Швейднице, когда приехала к нам Аня с малышом. Что тут делалось: шили пеленки, рубашечки. Даже «братцы» привезли какие-то детские принадлежности.

Ведь и правда! Война окончилась, и началась новая жизнь. Может быть, это было и символично - первый мужчина в нашем женском полку!

Городок Швейдниц был последним местом базирования нашего полка. Оттуда летный состав полка улетел в Москву, чтобы участвовать в Параде Победы, а я осталась с наземным эшелоном.

В армии началась демобилизация женщин, сначала сержантского состава, а потом офицерского. Месяца через два-три после окончания войны почти весь состав полка был демобилизован. А полк не расформировывали, так как гвардейскую часть мог расформировать только Главнокомандующий. Поэтому не демобилизовали Бершанскую, меня, Рачкевич и еще человек десять.

Я готовила документы к сдаче в архив, а знамя - в Музей Советской Армии. И только 15 октября 1945 года директивой начальника штаба Красной Армии № ОРГ/10-14080 46-й гвардейский Таманский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени ночной бомбардировочный авиационный полк был расформирован. Личный состав был демобилизован.

В разные концы нашей огромной страны разъехались боевые мои подруги. На последнем собрании мы договорились ежегодно 2 мая в 12 часов встречаться в Москве в сквере около Большого театра. И встречаемся уже больше пятидесяти лет.

Три года наш полк воевал на разных фронтах Второй мировой войны. В 1943 году ему было присвоено гвардейское звание, за освобождение Тамани присвоено наименование Таманского, за освобождение Феодосии полк был награжден орденом Красного Знамени, за бои в Белоруссии - орденом Суворова 3-й степени. Полк получил 22 благодарности Верховного Главнокомандования, восемь раз Москва салютовала частям, среди которых называлась часть подполковника Бершанской.

За три года боев полком совершено 24 тысячи боевых ночных вылетов, более 3 тысяч тонн бомб сброшено на врага. 23 девушкам присвоено звание Героя Советского Союза (пяти из них посмертно), двоим присвоено звание Героя России.

Герои Советского Союза			Количество боевых вылетов
1	Себрова Ирина	командир звена	1004
2	Меклин Наталья	летчик (сначала штурман)	980
3	Жигуленко Евгения	летчик (сначала штурман)	968
4	Аронова Раиса	летчик (сначала штурман)	960
5	Смирнова Мария	командир эскадрильи	950
6	Худякова Нина	зам. командира эскадрильи	926
7	Ульяненко Нина	летчик (сначала штурман)	915
8	Рябова Екатерина	штурман эскадрильи	890
9	Гельман Полина	штурман звена	857
10	Попова Надежда	командир эскадрильи	852
11	Гашева Руфина	штурман эскадрильи	848
12	Белик Вера (посмертно)	штурман звена	813
13	Чечнева Марина	командир эскадрильи	810
14	Распопова Нина	командир звена	805
15	Розанова Лариса	летчик, штурман полка	793
16	Пасько Евдокия	штурман эскадрильи	790
17	Сыртланова Магуба	зам. командира эскадрильи	780
18	Никулина Евдокия	командир эскадрильи	760
19	Парфенова Зоя	зам. командира эскадрильи	680

20	Руднева Евгения (посмертно)	штурман полка	645
21	Санфирова Ольга (посмертно)	командир эскадрильи	630
22	Макарова Татьяна (посмертно)	командир звена	628
23	Носаль Евдокия (посмертно)	командир звена	354
Герои Российской Федерации:			
24	Сумарокова Татьяна	штурман эскадрильи	725
25	Акимова Александра	штурман эскадрильи	680

Сейчас мы понимаем, что слишком требовательными и жесткими были к себе. Формально, по положению о наградах, к званию Героя Советского Союза можно представить летчика или штурмана, сделавшего на самолете По-2 более 500 успешных ночных боевых вылетов. Сколько таких было в полку? Более 30, а может быть, 40 человек. Однако мы представляли только тех, у которых счет вылетов был в районе 800. Учитывалось при этом и личное мужество, и эффективность бомбовых ударов, и дисциплина.

Бершанская была награждена орденом Суворова 3-й степени, орденом Александра Невского, двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени и орденом «Знак Почета».

32 девушки погибли в нашем полку. Для авиационного полка такие потери невелики. Это объяснялось в первую очередь мастерством наших летчиков.

В апреле 1946 года пришел приказ о моей демобилизации. Зачислили меня на 4-й курс физического факультета МГУ.

После окончания факультета работала ассистентом на кафедре космических лучей. Потом принимала участие в эксперименте на Памире, защитила кандидатскую диссертацию.

В течение 24 лет по совместительству была деканом вновь созданного факультета повышения квалификации преподавателей вузов. 30 лет исполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой. Создала в институте ядерной физики новую лабораторию по физике космических

лучей высоких энергий и руководила ею на общественных началах. Организовала в МГУ Совет женщин и была его председателем.

Защитила докторскую диссертацию. Имею более 200 публикаций.

Награждена орденами: Красной Звезды (1942), Красного Знамени (1943), Отечественной войны 1-й степени (1944) и 2-й степени (1945,1985), а также медалями – «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», «За вклад в победу», «Университетский знак почета».

Апрель 2015 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Карасев Сергей Алексеевич**, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*